

Данила
БОГОМОЛОВ

г. Петрозаводск

БОЧИНИ

рассказ

*Так о чем же ты думаешь, старый солдат?
Или сердце горит? Или раны болят?*
(«Солдату Сталинграда», М. Агашина)

1

Апрельским вечером Василий Степанович сидел в кухне на старенькой табуретке и задумчиво смотрел в окно на озеро, покрытое толстой ледяной коркой.

До начала мая оставались считанные часы, а у Полярного круга весна не успела стать полноценной хозяйкой: в лесу еще лежал снег, в поселке на возвышенностях стала вылезать прошлогодняя трава да лед на озере лишь отдался от берега.

Светлого времени в сутках становилось всё больше, и пусть ночи по-прежнему холодные, у Василия Степановича в доме жило тепло. В прошлом году дочь Таисия привезла из города мастера. Он разобрал старую, уже сильно дымящую печь, а взамен сложил новую — пусть поменьше размером, но тепла она давала больше.

Из задумчивости Василия Степановича вывел телефонный звонок.

— Ох, все никак не привыкну к этому телефону! — проворчал дед, пытаясь разглядеть на небольшом экране мобильного, кто ему звонит. Это была Таисия.

— Привет, — проговорил родной голос на другом конце. — Ну как у тебя дела?

— Привет. Да как у меня дела? Вот печку протопил, теперь сижу на кухне, в окно гляжу.

— Понятно. Как себя чувствуешь? Ноги болят?

— Утром нет, а к вечеру бывает, — признался Таисии отец.

— Я тебе в аптеке купила лекарства, на которые врач рецепт оставлял, — сказала она. — Завтра, кстати, приедем к тебе. Дочке с мужем командировку продлили, они не смогут приехать. Так что жди нас, дед, вдвоем с правнуком. Мы с Геной приедем электричкой на пару дней. Сейчас ему трубку дам, что-то сказать тебе хочет.

– Дедушка, здорово! – прокричал Генкин веселый голос. – У нас в школе будет конкурс сочинений, посвященных Дню Победы. А я в интернете такое надыбал!.. Ты такого уже, наверно, и не помнишь!

– Что же ты там нашел? – заинтересовался дед.

– Завтра покажу!

Закончив разговор, старик отложил мобильный телефон в сторонку. А сам, опершись руками о стол, поднялся с табуретки.

Сколько лет у Василия Степановича болят ноги – этого он вспомнить уже не мог. В районной больнице ничем помочь не могли, а ехать в республиканскую дед всякий раз отказывался. Так Василий Степанович постоял пару минут. Когда боль стихла, медленно развернулся и, шоркая ногами по полу, направился в комнату. Там подошел к шкафу. В нём, кроме пары поношенных курток и одной новой, предназначенной для поездок в город, на плечиках – старый солдатский китель. Василий Степанович достал его, повесил поверх дверцы шкафа, затем проверил, все ли пуговицы на месте, пощупал петлички; по погонам, перечеркнутым двумя поперечными полосками, провел пальцем, как будто смахивая пылинки. На кителе поблескивали медали «За отвагу», «За взятие Берлина», «За победу над Германией», «За освобождение Варшавы», орден.

Тут же, на другой дверце шкафа, был прикреплен календарь. Василий Степанович ткнул пальцем на тридцатое апреля, провел до следующего дня.

– Еще одно первое мая. Снова бессонная ночь... – прошептал Василий Степанович.

С памятного первомая таких ночей в его жизни накопилось ровно семьдесят...

2

– Дедушка, можно я твой китель померяю? – В кухню заглянула голова правнука.

– Не трогай там ничего! – прикрикнула на Генку Таисия, которая вынимала из пакетов

продукты. – Лучше помоги мне. Чай по чашкам разлей. Контейнер вот с ватрушками ещё в сумке, достань его. Всё в комнату неси, сядем за большим столом. Вон и солнышко на улице выглянуло! А погода-то какая хорошая! Солнечно который день уже.

Василий Степанович принёс в комнату два новых стула, берегаемых для гостей, а для себя – старый табурет, который сам смастерил много лет назад. Когда хлопоты были завершены, семья села пить чай.

Старик на своей табуретке устроился возле самого окна. Задумчивый, он поглядывал то на родных, то на улицу, то, придерживая ладонями чашку, смотрел на отражающийся в чае солнечный свет, а к ватрушкам, которые так любил, не притронулся.

– Пап, как себя чувствуешь? – забеспокоилась Таисия. – Давление измерял?

– Измерял. Ерунда всё это, – сказал дед. – Сто грамм фронтных на Девятое мая вылечат.

– Ох, вояка... Всегда у тебя в начале мая такое, сколько помню, – вздохнула дочь. – После майских позвоню терапевту, может, в больницу тебя положат, обследуют еще разок. А нет, так своих попрошу... Вдруг получится тебя в санаторий отправить...

Дед молчал, и Таисия переключила внимание на Генку:

– Так, Гена, допьешь чай – сразу переоденься. Поможешь мне воды в баню натаскать.

– Ладно, – вздохнул он.

Внук одним глотком допил остывший чай, встал из-за стола и вдруг спохватился:

– Дедушка! – почти крикнул Гена. – Я совсем забыл! Нам же задали сочинение на школьный конкурс написать, а я сейчас тебе такое покажу!..

Гена достал из кармана джинсов сложенный много раз тетрадный лист, на котором мелким ровным почерком было что-то написано. Василий Степанович надел очки, поднес листок к самым линзам. Буквы расплывались и, казалось, сделались еще меньше.

– Прочти сам, – попросил дед. – Не вижу ничего.

– Ну, слушай! – Генка взял из рук деда лист и начал читать: – «Младший сержант Малкеро

Василий Степанович проходил службу в 400-м стрелковом полку, дважды был ранен. Награжден медалями «За отвагу», «За взятие Варшавы», «За взятие Берлина», «За победу над Германией» и орденом Великой Отечественной войны. 1 мая 1945 года исправил 8 поврежденных линии связи и из личного оружия уничтожил двух немецких автоматчиков, а 3 мая 1945 года представлен к медали «За отвагу»... Дед, это ведь всё о тебе?

Василий Степанович закивал.

— Вот это да! А мне про это никто не рассказывал! — воскликнул Гена.

К этому времени Таисия уже встала из-за стола и пошла одеваться.

— Гена, мы договорились! — напомнила она из прихожей.

Внук спохватился:

— Вот что, дедушка, я пойду пока помогу воды натаскать, а ты еще что-нибудь вспомни!

3

Дочь и правнук Василия Степановича вышли на улицу. Он остался в доме один. Почувствовал, как сердце стало биться сильнее, каждый удар начал отдавать болью в висок.

Привалившись грудью на стол, старик положил подбородок в ладони и закрыл глаза.

«Первое мая 1945 года...» — прошептал он и погрузился в воспоминания.

В тот день в освобожденных пригородах Берлина было тихо, но в самом городе все еще слышались перестрелки, на улицах вспыхивали пожары. Оставшиеся в столице фашисты не сдавались.

На одной из улиц — «штрассе» по-немецки — находился бывший завод, где был организован штаб дивизиона. Там служил младший сержант Василий Малкерев.

— «Север — главный!» «Север — главный!» Прием! Это «Восток — один!» Прием! — командир уже несколько минут пытался связаться с главным штабом.

— Товарищ командир, очевидно, провод перебило! С ночи бои не утихают, — сказал Василий, который был тут же.

— Вот же!... — выругался командир. — Мал-

керев, слушай приказ: связь должна быть восстановлена в кратчайшее время! В последнем эфире «Север — главный» сообщил, что в рейхстаге немчура продолжает отстреливаться. Мне нужна оперативная информация! Ты всё понял?

— Так точно! — ответил тот.

— Товарищ командир. — Позади Василия появился сержант Воронин, он был уже в годах, коренастый, усатый, опытный. — Разрешите, я пойду с Малкеревым, вдвоем быстрее справимся. Ведь кто знает, где кабель перебило — за углом или в километре?..

— Разрешаю! — отчеканил командир. — Задача должна быть выполнена оперативно! Всё, выполнять.

Сержанты быстро проверили свое оружие, надели на плечи катушки с проводами и вышли из штаба.

Они продвигались вдоль проложенного по земле кабеля. Улица, по которой перемещались бойцы, была сильно разрушена артиллерией, на первых этажах полыхали пожары, но к таким условиям связистам было не привыкать. Через несколько разрушенных домов обнаружился первый обрыв. Взорвавшийся неподалеку снаряд повредил линию связи. Василий, взяв винтовку наизготовку, прикрывал напарника, пока тот сращивал разрыв.

— Сан Саныч, как думаете, сколько еще немцы воевать будут? — спросил Малкерев у своего старшего товарища.

— Недолго, думаю. Не сегодня, так завтра сдадутся! — отвечал тот, скручивая оборванные провода. — Сейчас повреждения на линии устраним, а там и узнаем у начальства, сколько их там...

— И то верно... — кивнул Василий.

Вскоре ремонт на этой точке был завершен, и связисты отправились дальше искать очередной обрыв.

— Вон там, Вася! — Сан Саныч пальцем показал на линию связи, засыпанную грудой строительного мусора.

На этот раз за дело взялся и Малкерев. Он достал кусачки, отсоединил оборванный провод, размотал катушку. Затем к работе подключился товарищ.

— Вот как слаженно у нас с тобой получается, — говорил сержант. — А поехали после победы ко мне на Алтай, у меня там дочь-красавица... Авось понравится друг другу, потом к тебе в Карелию поедem, да там и свадьбу сыграете.

— Спасибо, — улыбнулся Вася, — я подумаю.

— А что тут думать? — усмехнулся Сан Саныч. — Поехали! Я же всю жизнь сына хотел. А ты мне за год, что вместе воевали, и стал как сын!

Малкерov промолчал. Затем он опустился на колено и стал скручивать оборванные провода. Потому и не заметил, как из-за ближайших развалин появились два немца.

— Васька, осторожно! — сказал Сан Саныч, заслоня собой молодого бойца, а через секунду послышался треск автомата.

Малкерov успел выхватить пистолет и точными выстрелами убил врагов, которые за развалинами не заметили его, пригнувшегося к земле.

Быстро оценив обстановку, Вася кинулся к напарнику.

— Сан Саныч! Сан Саныч! — младший сержант пытался привести в чувство Воронина, глаза которого уже стекленели.

Василий одной рукой поддерживал тело старшего друга. По лицу Малкерова струились слезы.

На звуки выстрелов к ним подбежали свои солдаты, подхватили Сан Саныча.

Когда Малкерov вернулся в штаб, там его уже встречал командир.

— Вы выполнили задание, товарищ младший сержант! Связь налажена. Награждены оба будете, — сказал он.

Но Малкерov, расстроенный, никак не отреагировал на это известие.

И тут в штаб внесли тело погибшего Сан Саныча, уложили на пол. Малкерову показалось, в тот миг и сам он умер. Кто-то из солдат тряс его за плечо, слышался чей-то голос, но перед глазами у Васи было только лицо Воронина.

4

— Дедушка! Дедушка!.. — всё громче слышалось над ухом.

Старик открыл глаза. Он по-прежнему сидел за столом, рядом стояла нетронутая чашка чая, ватрушка на тарелочке, тут же смятый лист с выпиской из архива, который принес правнук.

— Дедушка, ты в порядке? — осторожно спросил Гена. — Я тебя звал, звал... Мы с бабушкой Таисией воды натаскали, баню затопили.

— Хорошо, — шепнул Василий Степанович, потирая покрасневшие от слез глаза.

— А ты вспомнил еще что-нибудь о войне? Мне надо для школы... — после некоторого молчания сказал правнук.

— Да я не слишком много и помню, — тихо ответил дед.

— Ну хоть что-нибудь! — упрашивал Генка. — Давай я нам чаю еще налью, посидим вдвоем. А ты мне расскажешь какую-нибудь историю. Мне очень нужно для сочинения! Вот по твоей истории и напишу!

— Раз надо, можно и так, — всё же согласился дедушка.

За чаем он рассказал правнуку о том, что случилось первого мая 1945 года.

5

Девятого мая в гости к деду вновь приехали правнук и дочь Таисия.

Василий Степанович надел солдатский китель, который, казалось, выглядел на нем в тот день куда новее, чем прежде. Все вместе они посмотрели по телевизору Парад Победы. Потом в дом приходили гости — односельчане каждый год поздравляли своего ветерана.

А вечером, проведив родных до калитки, Василий Степанович вернулся в дом, снял китель, повесил на плечики, еще раз осмотрел его со всех сторон, затем убрал в шкаф. Закрыв его не сразу — задумавшись о своем, Василий Степанович замер на минутку пе-

ред открытым шкафом. Наконец прикрыл дверцу.

Утром старик проснулся в бодром расположении духа, дома почти ничего не напоминало о вчерашнем празднике. Выглянул в окно: на улице взрослые шли на работу, дети торопились на занятия — все были заняты повседневными делами. Василий Степанович вышел на крыльцо, присел на лавочку, которую своими руками смастерил в прошлом году.

В ночь на десятое мая в их поселок наконец-то пришло долгожданное потепление. Настоящая весна! О зиме теперь напоминали лишь наледи в темных местах да ямах. Вокруг небольшого огорода и бани едва пробилась из земли мать-и-мачеха, а над вскрывшимся ото льда озером парили чайки.

Сидя на своей лавочке, Василий Степанович наблюдал за парой уток, которые плавали у моста, наполовину скрытого весенней водой.

Вдруг в кармане у Василия Степановича зазвонил телефон.

— Алло, дедушка! — кричал радостно Генка. — Ты прикинь, наше сочинение заняло первое место. На праздничной линейке в акто-

вом зале я читал его перед всей школой! Моя классная руководительница и директор даже аплодировали! Мне, кстати, многие сказали, чтобы я эту историю на литературный конкурс отправил. Я пока не решил, отправлять или нет, но мы с тобой все равно лучшие!

Гена продолжал что-то взалхлеб говорить в трубку, а Василий Степанович улыбнулся.

— Нет, внучок, не сочиняли мы это с тобой, — сказал он Гене, когда тот умолк. — Это война всё придумала, подлая. А в сочинении мы про один день войны рассказали. Только про один день...

Данила Витальевич БОГОМОЛОВ

родился в 2001 году в поселке Энгозеро Лоухского района Карелии.

Окончил Карельский колледж культуры и искусств.

На данный момент — студент ПетрГУ.

Пишет рассказы.

Публиковался на карельских интернет-ресурсах, в том числе в литературном журнале «VERBA».

Финалист Всероссийского ежегодного литературного конкурса «Герои Великой Победы» и конкурса «Северная звезда» (2023) в номинации «Проза».

Член Союза молодых писателей «Северное сияние».

В журнале «Север» публикуется впервые.

